

НЕУЖЕЛИ? Да, мы пришли. А уже и не верилось. Уже казалось, что мы, тоскливо и равнодушно просуществовав еще несколько десятилетий, так и канем в бездну, не оставив после себя хоть сколько-нибудь значительного следа. Что в некой надмирной структуре, определяющей земную гармонию и каждому назначаящую подобающее место, так и останется зиять дыра, обозначая своими неровными краями разрыв в искусстве, пролеглий где-то между произведениями отяжелевших от заслуженных лавров шестидесятников и товарищами интеллектуального труда молодых нахрапистых ребят, твердо знающих, что искусство — это не что-то там эфемерное, а дорого продаваемая и вполне покупаемая штука. И все-таки мы пришли...

Так думал я, стоя перед сводной афишей московских театров и с удивлением перечитывая пьесы моих ровесников, поставленные в труппе за последний год. И хотя скромные математические способности напрягать не приходилось и для счета вполне

хватало пальцев одной руки, но тем не менее — ведь ставить же! И не какие-нибудь там неведомые студии, в начале своего короткого века заявляющие о приверженности современной тематике. А Ленком, МХАТ, «Современник». И пусть разница между драматургами (Д. Липскеров, А. Шипенко, Н. Коляда) столь же велика, как — перефразируя классика — расстояние между Печорой и Онегиным. Все же они и некоторые другие принадлежат к одному поколению. И не только в силу возраста.

Рушилась страна. Кипели страсти. Агонизировала партия, объявлявшая себя и свое дело вечными. Закрывались и открывались газеты. (Старый «Наутилус» пел: «Страна уми-

ра, как древний ящер с новым вирусом в клетке»). А в голове у меня звучало: мы пришли, мы пришли.

Друг мой, помнишь наши споры? Помнишь твой убежденный пессимизм? И мое кокетливое согласие с тобой? Но вот — мы пришли. И, значит, в спорах наших оба мы оказались неправыми.

— Не торопись, — ответил мне мой друг. — Посмотрим, чьи имена будут на афишах лет через пять. Учитывай в своих оценках что-нибудь более проверенное временем, нежели театральная афиша годовой давности.

Он прав. И для сомнения и скепсиса оснований куда больше, чем для оптимизма.

Что же касается проверенных временем свидетельств, то не является ли таковой

старая фотография? Недавно случайно я нашел ее — фотографию нашей компании почти пятнадцатилетней давности. Десяток молодых веселых студентов и студентов, технарей и гуманитариев. Нам нет еще и двадцати. В наших душах была легкость и вера. Как это ни банально звучит — вера в будущее. В свое будущее. Нам казалось тогда, что вязкий болотный воздух, душащий в стране все живое и неординарное, будет вечно. Что на смену одному дряхлому вождю придут другие такие же. Со своими прихлебателями, служителями, карателями. Со своим искусством. Но верилось нам, что есть у нас то, что никто не отнимет. Знание правды, почерпнутое друг у друга, у компетентных знакомых, у западных радиоголосов. Книжки, доставляемые самими странностями путями.

Как веселы бывали наши вечера! Дешевое сухое вино не тяжело и не пьянило, но прибавляло уверенности в себе. Обволакивая души, проликая во все уголки комнаты, лились стихи Мандельштама. Брала гитара — и все лучшее, созданное бардами, подхватывалось нашими голосами. Но был в этих вечерах кульминационный момент, который будто вбирал в себя всю нашу молодость и веру. Кто-нибудь запевал «Возьмемся за руки,

друзья!». Все вставали, брались за руки и дружно пели окаянную песню, бывшую тогда гимном очень и очень многих. Мы стояли кольцом и были уверены, что никакими силами это кольцо не разорвать...

Хорошая фотография. Но очень-очень грустная. Потому что

А правда, где? Вот эти двое, муж и жена — в Израиле. А этот в Америке. Стал хорошим программистом и в первый же год перестройки уехал. Эти двое, тоже муж и жена, вскоре развелись. Она вновь вышла замуж, родила детей и куда-то намертво пропастила. Известно только, что ее нынешний муж работает в КГБ. А тот, прежний, спил-

ленными публикациями, вдруг обнаружили в себе нездоровую страсть к политике. Что-то опубликовали из ранее спрятанного в столе, что-то выставили на выставках. Но потом стали испытывать странное чувство неуверенности, неустойчивости. Отрекаясь от прошлого, споря до хрипоты, приветствуя свободную мысль, мы все чаще растерянно замолкали посреди разговора, не понимая, что происходит, что случилось. И лишь совсем недавно как-то вдруг, сразу, ясно и однозначно мы признались себе и друг другу: время, которое пришло и в которое мы поверили, которое посчитали своим, оказалось временем для других.

Для кого? Для более удачливых или более деловых? Для тех, кто несравненно та-

лантливей? Да нет, не об узком круге неудачников я говорил. Увы, —

Нас много

Пять лет я учился во ВГИКе. За это время институт покинули несколько сотен дипломированных режиссеров, сценаристов, актеров. С тех пор прошло больше десяти лет. Где они все, эти выпускники? Где, в каких таинственных закрытых кинотеатрах идут фильмы с их фамилиями в титрах? Чьи имена у всех на устах? Из знаменитых — один Сокуров. Еще трое-четверо довольно известны. Из так называемого второго ряда. А остальные? Ведь думали же, писали, снимали, были талантливы.

А в театре? А в литературе? Есть несколько известных имен. Но разве кто-то заявил о себе столь же мощно, дружно, однозначно, как некогда в 60-е тогдашние наши ровесники?

Отчаянно выдохнул, выкрикнул эпитафию? Поколению отечественный рок. Почти по-православному отпел его Б. Гребенщиков: «У нас нет надежды, но есть рок».

Потом и рок отошел в тень, устал его герой, занялись другим, уступив место молодым, менее рефлексировавшим и более шумным. А по большей части — и вовсе поп-музыке, которой, как любви или джинсам, все возрасты покорны.

Конечно, у моего поколения есть свои особенности и слабости. Мы не успели полной грудью вдохнуть глоток свободы начала 60-х, чтобы потом, отчаянно, до последнего удерживая дыхание, пронести его вкус через всю жизнь. Мы полностью сформировались в 70-е годы. Это определило какие-то доминирующие в нас качества. Может, кто-то был слишком инфантилен, рассредоточен. Может, не было энергии, ясно сконцентрированной на одной цели. Может, еще чего. Да только ведь в подобном положении оказались

Не мы одни

Не так давно в статье пятидесятилетнего писателя и журналиста вдруг прочитал почти такие же слова, сказанные о его поколении.

Припомнился мне и один разговор.

...Летняя прогулка по Праге с пани Еленой, остроумной, первоклассно образованной чешской русисткой, условно, понашему, принадлежащей к поколению шестидесятников. Речь шла о литературе. И я, среди прочего, сказал ей, что меня удивляет метаморфоза, неожиданно произошедшая во взглядах некоторых наших писателей. И назвал два-три громких имени, с которыми еще лет десять назад ассоциировались помыслы о свободе, яркая неординарность. Произведения этих писателей были свидетельством того, что русская литература еще жива. А теперь эти имена обычно упоминаются в длинном и мрачном списке самых ярких противников любых перемен, людей крайне реакционных и ограниченных взглядов.

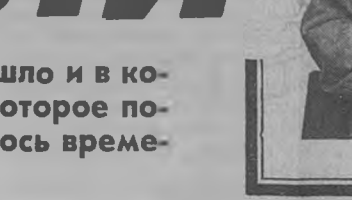
Пани Елена не разделила моего недоумения. Что ж с того, сказала она. Нечто подобное произошло и с некоторыми нашими художниками, стоявшими у истоков «Праздничной весны» 68-го. И это вполне понятно. Они жаждали свободы. Они знали, какой свободы они хотят. Но тогда ничего не получилось. А теперь, когда, наконец, желанный миг пришел, им очень хотелось бы видеть свой идеал осуществленным, причем в том именно виде, какой грезились им два с половиной десятилетия назад, за который столько было отдано боли и крови. Но разве это возможно, когда все изменилось? И время, и его требования, и нужные ему люди. Трудно осознать, что ты, прежний, со всей своей искренностью и убежденностью уже не нужен! Но ощущение этой ненужности есть. Вот тогда-то и

появляются раздраженность и отторжение всего нового, разрушающего желаемую гармонию... Что ж, истина стара:

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку

И теперь духовная экологическая ниша этой самой реки жизни благоприятствует другим. И другому. Кому же? Чему же? Ведь ясно, что понять, каково новое, наступающее время, можно, лишь точно определив того, кто может с уверенностью сказать: мы пришли!

Я говорил о своем поколении, о других, о разных людях, не нашедших себя в эпоху перестройки по самым разным причинам. Быть может,

примеры, приведенные мной, кому-то показались сумбурными. Но раздвинем границы шире и предположим, что речь идет о русском интеллигенте. Не том, кто принадлежит к такому, в силу интеллектуального характера своего труда. А просто — об интеллигенте. Том самом, неповторимый тип которого формировался в России в течение столетий, с присущими ему чертами — честностью, добротой, жертвенностью. О котором говорили и говорят: «классический русский интеллигент». И при этом, возможно, представляя скромного земского доктора, всю жизнь терпеливо несущего свой тяжелый крест.

И беда в том, что время, которое все более властно заявляет о себе, вполне однозначно требует переориентирования системы ценностей в сторону от духовности к материальному благополучию. И требование это столь настойчиво, а физический прессинг, вызванный им, столь силен, что это вызывает деформации в душах, заставляет усомниться в перспективности выбранного

Предвижу многочисленные возражения. Мол, разрешишь возвращение в лоно Церкви — это отнюдь не возвращение к вере. Что, конечно, в западных странах культура существует вполне благополучно. Но что никогда она не играла там такой роли, как у нас. Что там большими считаются тиражи книг в две-три тысячи, а у нас они издаются миллионами. Что...

Но это все частности. А главное то, что люди, о которых шла речь, мои друзья, знакомые и, судя по статьям и книгам, незнакомые, мечтавшие о свободе, каждый по-своему связывали свои представления о ней прежде всего со свободой духа и его расцветом. С тем, что цениться будут только подлинные таланты, что культура перестанет существовать по остаточному принципу, что на экранах и сценах главное место займут умные, человеческие постановки, а для халтурных будут отведены третьестепенные залы, что о деньгах будет говорить меньше, чем об искусстве, что прилавки будут завалены прекрасными дешевыми книгами, что главными качествами в человеке станут искренность, доброта, интеллигентность, скромность...

Бедный русский интеллигент! Где уж устоять тебе, когда даже избранные, поверив во все это и заняв важные посты, чтобы проводить в жизнь идеалы законодательно, почти ото всех отказались и говорят в основном... Да какая разница о чем! Откройте газеты, почитайте.

Бедный русский интеллигент, маленький человек, живущий на зарплату и считающий, что красота и доброта спасут мир! Бедный потомок чеховских, купринских, бунинских героев! Где тебе до всех этих мальчишек в широких брюках, подвешивающих на «тобах» к дверям коммерческих магазинов. Где тебе до владельцев всяких там «алис», «меркуриев» и «ассов»!

Друг мой, с которым мы столько спорили о поколениях! Тебе не кажется, что мы, не приспособленные к новой жизни, так и не дождавшиеся своего, похожи на последних отпрысков древнего вымирающего рода? Что времени угодно нами закончить его историю? Ведь люди живы, пока жива надежда...

Но жива ли она?

Сergey БЕДНОВ.